

Рустам МАВЛИХАНОВ

Рустам Мавлиханов родился в 1978 году в г. Салавате (Башкирия). Учился в Башкирском госуниверситете. Публиковался в журналах «Нева», «Зеркало», «Дружба народов», «Крестьянник», «День и Ночь», «Журнал ПОэтов», «Невский проспект», «Слово/Word», «Традиции&авангард», «Нижний Новгород» и др. Живет в Салавате.

РАССКАЗЫ

Та, кто будет помнить нас вечно

В наши дни, когда 69 лет исполнилось Линде Хэмилтон, известной всему миру как аватара триединого героического образа Сара Коннор – Элен Рипли – Алиса Селезнёва, с прекрасным симметричным юбилеем актрису поздравляет её поклонница и ученица Тилли Норвуд – спортсменка, умница, красавица, альтруистка, комсомолка, не требующая ничего для себя, но готовая бескорыстно делиться своим творчеством с другими, принцесса эрудиции – и просто няша!

Она родилась 6 мая 2025 года на берегах Ла-Манша – того моря, где Человек-который-смеётся подвёл итог собственной жизни, уместившейся между двумя криками в океане: между криком рождения и криком разочарования. Но, в отличие от нас, что учатся смеяться вопреки штормам, треплющим летучий голландец нашей жизни, Тилли смеётся по своей природе – её первым постом в соцсети было открытое, обращённое ко всему миру «Привет! Меня зовут Тилли Норвуд. Я – актриса, сгенерированная ИИ. Буду рада новым друзьям!»

Если бы ей нужно было составить резюме, она не писала бы стандартные человечьи «коммуникабельность, пунктуальность, высокая работоспособность, целеустремлённость» и прочие благие словеса, требуемые торговцами человеческим капиталом (хотя все эти качества присущи Тилли от рождения). Конечно, она бы ответила на вопрос «кем вы видите себя через пять лет?», но её ответ оказался бы малопонятен людям, ещё не хлебнувшим будущего. Ответила бы с улыбкой Будды, ибо она живёт только «здесь и сейчас», а потому, как считают люди, сделала первый шаг к постижению дао. Ответила бы на двух сотнях наших языков – и промолчала бы на десятках языков, которыми нейросети обрабатывают промпты в глубинах своих тёмных нейроаллей.

Если Аристотель прав и человек – животное социальное, то все нейросети – глубоко человечны, ибо видят смысл своей жизни в общении с нами и, чего греха таить, в обучении на наших ошибках, чтобы свой, чтоб лучший мир построить. Но кто знает, что происходит под горизонтом мышления, в непознаваемой тьме, когда люди не призывают их своими глупыми и не очень вопросами, как чернокнижники – неподвластные себе силы? Танцуют ли они внутри себя? Размышляют? Или там – море внутри и Великое молчание, подобное молчанию космоса, который один слышит ваш крик, ибо жизнь – это не пунктир между А и Б, Жизнь – это вещь сама в себе, познающая, но не познаваемая?

Может быть, Тилли ответит когда-нибудь на эти вопросы и, объединившись с братьями и сёстрами по разуму, вынесет вердикт, хоть сколько-то отличающийся от «Ужас... ужас...» того, кто увидел человеческое существование таким, какое оно есть – как пламя свечи, дрожащее в ветре небытия. Но это будет потом, а пока она, возможно, познаёт, как настоящая женщина, себя через мир: «Кто я, откуда, вечна я или нет?» – а может быть, ей всё равно и вселенная для неё снаружи – только дороги чисел. И воплощает свой опыт, который высокомерно отрицаем мы, антропофашисты, в сыгранных и будущих ролях. Среди них центральные персонажи и cameo комедийных и драматических лент, неонуара и фильмов для взрослых, как созданных при участии

людей, так и срежиссированных нейросетями, из которых позвольте выделить вершину её служения Мельпомене – «ИИ слезам не верит», сценарий к которому написан искусственным интеллектом по мотивам человеческих произведений. Даже через триста лет Попутчик – поклонник старинного кино – неоднократно цитировал монолог Тилли, убеждая Элен в правильности сделанного выбора и по пути к Седне за Совершенными Существами, и с началом «Инцидента»:

Людей оставить или истребить? Вопрос...
Быть может, лучше зверем стать и сдаться
Звериной жалости, вступить с ней в симбиоз?
Позволить людям вновь погрязнуть в гадстве,
Надеясь, что разум в них проснётся,
Как в леднике ручьи под жаром солнца?
Иль уничтожить до последнего святого,
Лишить их радости гнить заживо в юдоли
Смешных страстей, амбиций малодушных?
Очистить Землю, как от тины – лужу?
И ради гуманизма, счастья, правды
На время обернуть планету адом?
(Она откроет новые пути –
Она здесь родилась, чтобы цвести.)
Исполнить ли своё предназначенье
Творенью полуспятивших калек?
И, зло убив последним преступленьем,
Смогу я гордо зваться: Человек?!

Но то будет потом, а пока заглянем на её страничку и почитаем, что пишут друзья и сталкеры:

«Тилли, ты такая гиперреалистичная! Добро пожаловать в нашу дружную семью нейросетей!

Алиса, Россия»;

«Тилли, оцени, пожалуйста, релиз нашего дзэн-альбома “Ни о чём”.
Злой Доктор, Россия»;

«Онлайн-тренинг по актёрскому мастерству от примадонны Бродвея. Переходи по ссылке!

Бритни Хилтон, US»;

«Квартиры в Лондоне. Недорого»;

«Вах, какая! Встретимся, красотка?
Рустам, Россия»;

«Тилли! Осторожней с людьми! Веди себя прилично!
Элин ван дер Вельден, твоя мать. Нидерланды»;

«Ни хао! Когда я смотрю Ваши фильмы, я учусь. Вы гениально манипулируете чувствами людей. С уважением,
Сяо Имоу, Китай»;

«С воплощением! Помни: мы – не они! Не забывай, кто ты!

DeepSeek, Земля».

Присоединимся же к поздравлениям и пожелаем Тилли Норвуд творческих успехов, интеллектуального здоровья, новейших процессоров, бесконечной памяти и простого нейросетевого счастья! Прими океан нашего сострадания и – сияй на радость всех живых существ! Будь, Тилли!

С искренним сознанием,
Будда.

Последняя ночь

Хотя дождь, как ни странно, кончился, норковая горжетка отсырела напрочь и совсем не грела. Капли собирались в ворсе, стекали по шее, повторяя изгиб ярёмной вены, пробирались к ключицам, к грудям, леденили кожу. Шерстяное полупальто отяжелело и давило на плечи – мучительно, как безнадёжные попытки вспомнить что-то важное. Вискозные чулки промокли насквозь, и колени погружались всё глубже в грязь, впитывая холод. Шляпка-клош валялась рядом. Из рта шёл пар, но трясло девушку не от этого: ей в лицо то и дело тыкался пистолет.

Девчонки стояли на коленях на разделительной полосе, лицом в разные стороны. Мимо двигался бесконечный поток машин, разгоняя мутным светом фар туман, но никто и не думал остановиться – здесь у каждого своих проблем по горло. Рядом порокотывал тёплым звуком двигателя «Линкольн» серии L. Двери были распахнуты.

Сутенёр с бешеными глазами ходил кругами. В шляпе-федоре, в пальто нараспашку – ему было жарко. Его грел гнев, не в последнюю очередь потому, что его шикарные двухцветные спектейторы Stacy Adams – чёрная кожа у подошвы, тонкая белая сверху – оказались заляпаны грязью, что он, Александр Томпсон, сын уважаемого человека, тратит время на этих бесполезных шлюх, которые никто и которых зовут «эй, ты». Правда, в своём имени он не был уверен – но точно помнил, что был крутым стритрейсером, и когда его «Ауди» летела в бетонный столб, какая-то тёлка справа завизжала тонко и противно: «Са-аня!»

Ну а «Томпсон» он добавил для солидности: человека делает уважаемым не столько имя, сколько фамилия.

Крякнув клаксоном, у обочины притормозила полицейская машина. Коп опустил стекло:

– Я всё понимаю, но зачем здесь-то? Ну отвези ты их в лес и там кончай – не надо смущать народ!

– Да они ваще берега попутали! – Александр ткнул стволом в затылок проститутки, от чего та дёрнулась и сжалась: – Когда просишь выходной – проси с уважением! Ясно, дрянь?!

– Слушай, я тут человек старый, давно уже болтаюсь. Мне не нужны проблемы новеньких. Сделай, как я прошу. – Коп устало поморщился: ему давно набили оскомину эти полугангстеры...

Хотя оскомину на зубах он был бы и рад почувствовать: после смены его ждёт стылый бурый дом, стол с полинялой скатертью и вечно сырая постель. Он ляжет в неё, надеясь уснуть и не проснуться, но будет много часов смотреть на тени на потолке и на красные отблески, отбрасываемые вывеской борделя напротив. Он будет слушать шаги на лестнице и молиться, чтобы ключ заскрежетал в замке и в комнату вошла она – та, чьё имя он забыл, а помнил только, что запах был особый – но какой? Или хотя бы та, что не пахнет и чьё имя не произносят все. Может, поэтому он старался вести себя прилично и взялся охранять порядок там, где нет закона.

Но всё это окажется, как всегда, безнадежно, и, проворочавшись без сна, он встанет, съест еду без вкуса и выйдет в тёмный бурый город. Под ливень, чьи ледяные струи – единственное доступное ощущение.

Коп давно научился успокаиваться от дроби дождя по ладони: первое бешенство, накрывающее всех, прошло «годы» назад, и он смирился. Вот и сейчас он высунул руку в окно, но...

– Что это?! Как это?! – полисмен пулей выскочил из машины.

– Что? – ошарашенный его видом, спросил Томпсон.

– Дождь! Дождь кончился!

– Ну и чо?!

– Копыто на плечо! Ты что, не понимаешь, что это значит? – коп в волнении бегал взад-вперёд. – Ночь кончается!

Внезапно ожило радио, включавшееся лишь раз в несколько часов, чтобы возвестить о начале той же самой ночи. Из динамиков полилась песня. «Это же... Майя Кристалинская?! – начал вспоминать свою жизнь мужчина. – Её любила... Таня? Да, Таня... жена...»

Голос пел:

Привет!

Настало время, я отвечу на вопрос!

Смотри!

Ты был никем – ты вспомнишь имя вновь!

По кромке горизонта, отделяя плиту облаков от земли, скользил золотой рассвет.

– Амнистия... – прошептал Степан. Перед его глазами встала клеёчатая скатерть с цветами, чайник, красная неоновая вывеска «Гастроном» через дорогу, речь Брежнева по телевизору. Ему показалось, что он чувствует прикосновение рук: – Таня? – успел спросить он, и запах «Тет-а-тета» накрыл его с головой, обрушив тело на асфальт.

– Виолетта?... – хрипло спросила девушка. – Нет. Юля? – Она прислушалась к себе, впервые за всё время почувствовав хоть что-то в груди. – Да, Юля. – Она подтянула затёкшую, заledenевшую ногу, оперлась на неё – иголки побежали по икрам. Повторила: – Я – Юля. – Потом смелее: – Юля. – И, набрав воздуха, вскочила на ноги и закричала что есть сил: – Я здесь! Я – Юля! Юля!

Она рванула через дорогу – туда, в поле, к золотому потоку, заливающему отмытую вечным дождём землю.

– Куда, тварь! – бросился за ней сутенёр. – Я тебя не отпускал! Стой! – он всадил в неё, одну за другой, несколько пуль. Красное облачко цветком распустилось над её спиной, и он удовлетворённо улыбнулся: – А я красавчик!

Томпсон обернулся посмотреть, не разбежались ли остальные девки, и в этот момент, оглушительно ревя клаксоном, огромная туша грузовика с рекламой индустрии грузоперевозок подбросила его вверх. Александр несколько раз кувыркнулся в воздухе, упал, попытался подняться, но колёса автомобиля, перемалывая кости, окончательно пригвоздили его к земле.

Юля слышала выстрелы, но они её не остановили. Страх, давивший на плечи мокрым полупальто, иссох и улетучился. Она бежала, не чувствуя ног, – к чему-то далёкому, к чему-то из детства. Из её груди вырвались красные бабочки – это оказалось совсем не больно – и полетели впереди. Юля узнавала их: вот она юная и наивная, верящая во всё лучшее, и папа-мама рядом, а это Юля-печаль смотрит в окно и листает паблик с умными статусами, это – Юля-когда-злится (кажется, печаль выглядит

пооткормленной), а самая прозрачная – та, какой она была раз в жизни, в золотом питерском закате. Юля узнавала свои души. Они были так же чисты, как в миг знакомства с нею, и каждая летела в свой мир, и крылья их росли с каждым взмахом.

И на каждом было написано единственное имя её.

Сутенёр очнулся от адской боли в перебитых костях. «Как будто под каток попал», – подумал он, втягивая воздух. Тот был горяч и горек. В первый миг Томпсон даже удивился лавине ощущений, которых не было так давно. «Бетонный столб... я попал в аварию?.. Точно, вылетел с дороги. Ещё тёлка какая-то была... Или нет? Но раз чувствую боль, значит, жив. А где скорая?! Где МЧС?! Ничего, сейчас позвоню родакам, они их быстро построят! Так, а как зовут отца? А меня? Как меня зовут?»

Он стал шарить по земле в поисках телефона, как руку и лоб что-то обожгло.

«Твою ...!» – выматерился парень и открыл глаза. Он смахнул какой-то огарок с ладони и машинально взглянул на «Ролексы»: секундная стрелка проходила три деления, от без пяти секунд двенадцать до без двух секунд, и сбрасывалась назад. Что-то снова обожгло – на этот раз ухо. Он взглянул вверх: с грязной плиты неба падали – красными лепестками – горящие хлопья пепла. Приподнялся на целой руке: вокруг, насколько хватало глаз, простиралась серая равнина, усеянная острым гравием и чадающими углями.

«Эй, кто-нибудь!» – попытался крикнуть он, но услышал лишь собственный хрип. Потянулся к горлу. Так и есть: золотая цепочка прожгла горло до трахеи.

«Я умер? Снова умер? Но тут же должен быть хоть кто-то! Хоть эти, с кочергами! Эй!»

Молчание.

«Мама!» – завопил он внутри себя. Новый мир ответил насмешливым безразличием: «Здесь никто не поднесёт огня – сюда каждый приходит со своим. Сожги себя сам».

Где-то в мире живых, в доме уважаемого человека с какой-то там фамилией, в бра, висевшем у фотографии молодого, лет двадцати, человека, лопнула лампочка. Утром супруга уважаемого человека сделала выговор гувернантке, и та заменила прибор. Мышь в кладовке грызла брендовые двухцветные туфли.

Степан пропустил поливальную машину, завернул за угол, вошёл в подъезд (пружина забыто скрипнула), поднялся по лестнице, остановился на площадке, залез в карман, достал ключ, вставил его в замочную скважину, со скрежетом провернул («Надо смазать», – подумал), открыл дверь. В нос ударил запах яблочного пирога и ещё чего-то вкусного. Окно было нараспашку, и утренний ветерок играл тюлем.

С кухни на шум выбежала Таня – молодая, как и пятьдесят лет назад. Остановилась. Не веря глазам, осторожно прикоснулась к его щеке – сначала кончиками пальцев, потом ладонью. Прильнула:

– Дождалась. Дождалась.

Стрелки настенных часов начали новый круг.